

Без вины виноватые, или Еще раз про вину и объективное вменение

Аннотация. Статья посвящена нарушению принципа субъективного вменения в уголовном законе и в правоприменении. Несмотря на то что проблемы вины и субъективной стороны состава преступления исследованы в доктрине глубоко и установлен целый ряд законодательных (уголовно-правовых и уголовно-процессуальных) гарантий исключения уголовной ответственности за деяния лишь признаками объективной стороны (возможно, и субъекта) соответствующих составов конкретного преступления, область объективного вменения и даже его формы расширяются. В последние годы появилась так называемая мягкая форма объективного вменения, когда правоприменители делают вывод о вине и виновности лица, не прибегая к аргументам и доказательствам. А в УК РФ увеличивается количество норм, диктующих объективное вменение, поскольку никакое другое невозможно. Автором приводятся и анализируются примеры и из УК РФ (в частности, признаки утраты общей трудоспособности или неизгладимого обезображивания лица в составе причинения тяжкого вреда здоровью, для констатации которых требуются специальные познания), и из материалов уголовных дел (в частности, по обвинению в групповых преступлениях, особенно в деяниях, предусмотренных статьей 210 УК РФ). Сделан вывод о том, что подобная ситуация не согласуется с презумпцией невиновности и нарушает принципы уголовного законодательства, а потому недопустима.

Ключевые слова: субъективная сторона; объективное вменение; субъективное вменение; вина; презумпция невиновности; административная преюдиция в уголовном законе; качество уголовного закона; объективное вменение через специальные познания, необходимые для осознания факта преступного поведения; искусственные доказательства вины через упоминание в приговоре неустановленных лиц и событий; отказ от аргументации вины в приговоре.

Для цитирования: Лопашенко Н. А. Без вины виноватые, или Еще раз про вину и объективное вменение // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 9. — С. 72–83. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.178.9.072-083.

© Лопашенко Н. А., 2025

* Лопашенко Наталья Александровна, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии
Чернышевского ул., д. 104, г. Саратов, Российская Федерация, 410028
lopashenko@yandex.ru

Guilty Despite No Fault: A Reconsideration of Fault and Subjective Imputation

Natalia A. Lopashenko, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation,
Professor, Department of Criminal and Penal Law, Saratov State Law Academy, Saratov, Russian
Federation
lopashenko@yandex.ru

Abstract. The paper addresses the breach of the principle of subjective imputation in criminal law and its application. Although issues of fault and the subjective element of an offense have been deeply studied in the doctrine and a number of legislative (criminal-law and criminal-procedure) safeguards have been established to exclude criminal liability for acts that display only the features of the objective (and possibly the subjective) elements of a given offense, the scope of objective imputation — and even its forms — is expanding. In recent years, a so-called soft form of objective imputation has emerged, whereby law-applicators reach conclusions about a person's guilt and culpability without adducing arguments or evidence. At the same time, the Criminal Code of the Russian Federation increasingly contains provisions that prescribe objective imputation because no other basis for liability seems possible. The author cites and analyzes examples drawn both from the Criminal Code (in particular, elements such as loss of general work capacity or indelible facial disfigurement within the offense of causing grievous bodily harm, whose determination requires specialized knowledge) and from case materials (notably prosecutions for group crimes, especially offenses under Article 210 of the Criminal Code). The paper concludes that this situation is incompatible with the presumption of innocence and infringes the principles of criminal law, and is therefore unacceptable.

Keywords: subjective element; objective imputation; subjective imputation; fault; presumption of innocence; administrative preclusion in criminal law; quality of the criminal law; objective imputation through specialized knowledge necessary to recognize the fact of criminal conduct; manufactured evidence of fault by mentioning unidentified persons and events in the judgment; failure to provide reasoning for the finding of guilt in the judgment.

Cite as: Lopashenko NA. Guilty Despite No Fault: A Reconsideration of Fault and Subjective Imputation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(9):72-83. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.178.9.072-083.

...Не всякая вина виновата...

Д. И. Фонвизин. Недоросль

Не следует казнить седло за вину осла.

Мигель де Сервантес. Дон Кихот

Когда судишь других, ищи в их вине отсутствие вины.

Когда судишь себя, ищи вину там, где вины не видно.

Хун Цзычен

1. Причины обращения к теме — проблема объективного / субъективного вменения

Проблема объективного (запрещенного) и субъективного (возведенного в принцип уголовной

ответственности¹) вменения не является новой ни для уголовно-правовой доктрины, ни для практики применения уголовного закона. Несмотря на сформулированный в самом УК РФ запрет на объективное вменение, оно никуда не

¹ Хотя в доктрине есть и позиция, согласно которой в уголовном праве и законе действует принцип объективно-субъективного вменения. См.: Куликов А. В. Небрежность в Уголовном кодексе РФ: отсутствие вменяемости или разновидность непреодолимой силы? // Российский юридический журнал. 2020. № 5. С. 163–172.

исчезло. Более того, в последние годы наблюдается расширение применения запрещенного объективного вменения, т.е. ответственности без вины. Появляются «скрытые» или «мягкие» формы объективного вменения, которые пока еще не нашли достаточного анализа в науке уголовного права.

Блистательные имена представителей русской (в широком смысле, не привязываясь к национальностям: они разные) школы, исследовавших вину, субъективную сторону состава преступления, их влияние на квалификацию преступлений и иное правоприменение, не нуждаются в представлении². В доктрине исследованы, казалось бы, если не все, то большинство известных ныне проблем субъективной стороны, в том числе по отношению к квалификации. Несмотря на дискуссионность многих положений и невозможность договориться по ряду моментов³, ученые предлагают правила квалификации с учетом субъективной стороны и применительно к различным конструкциям вменяемых в вину составов преступлений, и в зависимости от степени и (или) полноты осознания лицом общественной опасности, наличия квалифицирующих признаков деяния, стадии совершения преступления, наличия разных

форм и видов соучастия и т.д. Во многом эти правила совпадают, что демонстрирует, помимо того, что они основаны на принципах и нормах права, вытекают из логики квалификации и необходимости ее справедливости, пожалуй, и то, что они в достаточной мере разумны. Часто такие правила квалификации повторяются потом и на уровне высших судов России — и Верховного, и Конституционного. Иногда их можно увидеть даже в решениях судов по конкретным уголовным делам.

Впрочем, вынуждена здесь вспомнить А. Э. Жалинского, который, размышляя о материальной состязательности в уголовном праве, оговаривая высокий уровень судебного усмотрения и широту судебской свободы в уголовном процессе (вполне законных), писал: «...суды предпочитают не мотивировать достаточно развернуто свои приговоры, т.е., по-видимому, не размышляют над их обоснованием, и принимают решения, ориентируясь на сложившуюся практику, включая неписаные, но жесткие требования к ним». Хотя далее в определенной степени он оправдывает практических работников, которые, в отличие от депутатского корпуса и доктрины, всегда «отвечают за всех и вынуждены считаться с постоянным давлением»⁴.

² Тем не менее не откажу себе в удовольствии вспомнить и назвать тут некоторых из них. Это и их труд лежит в основе тех положений законодательства, которые выступают гарантией презумпции невиновности:

- дореволюционный период: Д. А. Дриль, С. В. Познышев, Н. С. Таганцев, Г. С. Фельдштейн, М. П. Чубинский;
- советский период: Л. А. Андреева, Б. С. Волков, В. Г. Гилязов, М. С. Гринберг, П. С. Дагель, А. Ф. Зелинский, Г. А. Злобин, В. Е. Квашиш, Г. А. Кригер, В. В. Лунеев, В. Г. Макашвили, Р. И. Михеев, В. А. Нерсисян, Б. С. Никифоров, А. И. Рарог, Т. Л. Сергеева, К. Ф. Тихонов, М. Г. Угрехелидзе, Б. С. Утевский, И. Г. Филановский, М. Д. Шаргородский, В. А. Якушин;
- современный период: С. В. Векленко, Д. А. Гарбатович, Н. Г. Иванов, И. Я. Козаченко, А. П. Козлов, В. В. Лунеев, Г. В. Назаренко, В. А. Нерсисян, А. И. Рарог, С. В. Складов, В. А. Якушин.

³ В частности, к таким «вечным» проблемам относится проблема уголовной ответственности за деяния, совершенные по преступной небрежности, которая является, как известно, разновидностью неосторожной вины. А. В. Наумов называет субъективный критерий преступной небрежности «определенной “болевой” точкой реализации субъективного вменения как принципа уголовной ответственности и Уголовного кодекса» (Наумов А. В. Вина как признак преступления и принцип Уголовного кодекса РФ // Российский следователь. 2022. № 5. С. 39–42). См. также, например: Куликов А. В. Небрежность в Уголовном кодексе РФ: отсутствие вменяемости или разновидность непреодолимой силы? // Российский юридический журнал. 2020. № 5. С. 163–172.

⁴ См.: Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен. М.: Проспект, 2008. С. 100.

Но эта практика напрямую нарушает принцип субъективного вменения.

Чаще всего *субъективное вменение* истолковывают как уголовную ответственность за вину, т.е. за виновное причинение вреда; *объективное вменение*, напротив, предполагает наличие уголовной ответственности без вины⁵. Е. Ю. Полянский описывал объективное вменение применительно к американскому праву, которому «присущи институты объективного вменения, например абсолютная уголовная ответственность и др., по идее которых лицо отвечает лишь за факт совершения действия безотносительно к субъективному отношению»⁶; думается, эти положения могут быть распространены и на наше, российское, понимание объективного вменения.

Наличие ответственности без вины — это глобальная характеристика объективного вменения. Однако оно, на мой взгляд, может выражаться и в более мягкой, хотя отнюдь не допустимой, форме — в простом провозглашении лица виновным с апелляцией к тексту гл. 5 УК РФ. Без приведения каких-либо доказательств.

Проблемы понимания, толкования в теории и на практике вины, субъективной стороны, всегда были камнем преткновения — в разное время по разным моментам (аспектам). Однако ко всем ним на сегодняшний день добавилась тенденция: практика «доказывает» субъективную сторону, делая формальный вывод о ней⁷, на основании изложения (иногда последователь-

ного, часто — нет) тех обстоятельств, которые ей удалось установить или которые она полагает установленными... И это страшная, на мой взгляд, тенденция, ведущая (и часто приводившая уже) к отказу от субъективного вменения и замене его вменением объективным.

2. Законодательные гарантии учета вины и субъективного вменения

Информация широко известная — напоминаю о ней для полноты исследования. Вине (принципу вины) в УК РФ посвящена статья 5; она, пожалуй, самая важная: лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина. Объективное вменение, т.е. уголовная ответственность за невиновное причинение вреда, не допускается. Эти несколько строчек закладывают основы привлечения к уголовной ответственности и осуждения за совершение преступления. Вина, согласно закону, **должна быть установлена**. Поэтому нет вины (или она *не установлена*) — нет и не должно быть уголовной ответственности.

Это законодательное положение — по установлению вины — при всем его процессуальном звучании является постулатом уголовного, т.е. материального, права.

Уголовный закон подробно регламентирует понятие вины через ее формы и виды, понятие

⁵ Суть объективного вменения дана достаточно четко, например, в статье А. А. Арямова и В. В. Кулакова, правда, применительно к Кодексу Амальфи: «Установление вины (в том числе направленности умысла), мотива, цели не являлось целью судебного процесса. Господствовал тезис: причинил вред, должен нести ответственность. Экономические отношения основывались на доверии между контрагентами. Любой случай причинения материального вреда в хозяйственной деятельности рассматривался как злоупотребление доверием либо обман, что обуславливало квалификацию действий должника как мошенничество» (Арямов А. А., Кулаков В. В. Кодекс Амальфи (Tabula Amalfitana): публично-правовые положения частноправового происхождения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. № 1. С. 19).

⁶ См.: Полянский Е. Ю. Теория состава преступления в уголовном праве США: ключевые позиции и основные недостатки // Lex russica. 2013. № 11. С. 1193.

⁷ Это отмечает и Ю. Е. Пудовочкин, анализируя судебные решения в части установления вины: «Суд просто констатирует умышленный характер деяния» (Проблемы квалификации преступлений / под ред. К. В. Ображиева и Н. И. Пикурова. М.: Проспект, 2019. С. 85 (автор параграфа — Ю. Е. Пудовочкин)).

и виды невиновного причинения вреда; впрочем, это даже не требует специального упоминания.

УПК РФ тоже говорит о важности установления вины. Статья 14 названного Кодекса посвящена презумпции невиновности. Обвиняемый считается невиновным, *пока его виновность в совершении преступления не будет доказана* в предусмотренном УПК РФ порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. При этом подозреваемый или обвиняемый не обязаны доказывать свою невиновность. Бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения. Два последних в этой статье важнейших положения: все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном УПК РФ, толкуются в пользу обвиняемого; обвинительный приговор не может быть основан на предположениях.

В числе обстоятельств, подлежащих доказыванию, вторыми названы виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы (ч. 1 ст. 73 УПК РФ). В части 2 ст. 77 УПК РФ указано, что признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств. Таким образом, констатируется необходимость доказывания вины. Замечу только, что приведенному базовому положению, по моему мнению, отчасти противоречит, не согласуется с ним одно из условий производства дознания в сокращенной форме (подозреваемый признает свою вину, характер и размер причиненного преступлением вреда, а также не оспаривает правовую оценку деяния, приведенную в постановлении о возбуждении уголовного дела (п. 2 ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ)).

Часть 4 ст. 302 УПК РФ закрепляет положение, согласно которому обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства *виновность подсудимого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств*.

Наконец, обязательные требования к описательно-мотивировочной части обвинительного приговора включают в себя описание преступного деяния, признанного судом доказанным, с указанием места, времени, способа его совершения, формы вины, мотивов, целей и последствий преступления; доказательства, на которых основаны выводы суда в отношении подсудимого, и мотивы, по которым суд отверг другие доказательства, и т.д. (ст. 307 УПК РФ).

3. Объективное вменение в уголовном законе

На мой взгляд, приведенная выше совокупность законодательных положений должна была бы служить гарантией от недобросовестных попыток уйти от специального доказывания вины в процессуальных документах. Должна была бы. Но в последние годы часто *остается только бумажной гарантией*.

Проблема только усугубляется тем, как законодатель формулирует уголовно-правовые запреты: даже при желании иногда, опираясь на букву закона, абсолютно невозможно установить вину во вменяемом лицу преступлении, поскольку законодательная регламентация состава этого преступления содержит вменение не субъективное, а объективное. Объективное вменение заложено в закон и является едва ли не нормой в целом ряде случаев.

Так, разве не объективное вменение заключено в понятии некоторых разновидностей тяжкого вреда здоровью? Речь идет, в частности, об умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, выразившегося в неизгладимом обезображивании лица или вызвавшего значительную стойкую утрату общей трудоспособности не менее чем на одну треть (ч. 1 ст. 111 УК РФ). Всем известна сложная структура первого понятия (неизгладимого обезображивания лица), требующего участия в оценке содеянного и медиков, и юристов. А виновный ведь должен осознавать общественную опасность своих действий (бездействия), предвидеть возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желать или допускать их либо безразлично к ним относиться. В ряде

случаев, принимая во внимание примененный преступником способ причинения вреда (например, облил лицо кислотой или бензином и бросил зажженную спичку), такие последствия презюмируются по причине их неизбежного наступления. Но в случаях лишь возможного их наступления (при использовании лицом других способов) можем ли мы (и суд, конечно) вменить лицу необходимый уровень предвидения? Уверена, что нет.

А в отношении утраты общей трудоспособности, да еще и на определенный процент, еще очевиднее заложенное в закон объективное вменение. Теоретики в подобных случаях обращаются к формуле неопределенного или неконкретизированного умысла с предложением квалификации по фактически наступившим последствиям. Однако, во-первых, это означает, что неопределенность умысла в данном конкретном случае тоже должна быть установлена, доказана, а во-вторых, и здесь мы имеем в формулировке запрета достаточно точную конструкцию последствия, наличие которой должно подтверждаться квалифицированным мнением — экспертами. Может ли лицо в конкретном случае предвидеть причинение им в результате физического (еще сложнее — психического) воздействия на потерпевшего, скажем, утрату общей трудоспособности на 35 или 50 %?

Уверена, что не может. Еще и с учетом того, что даже экспертам можно оценивать вред в некоторых случаях по истечении более 120 дней расстройства здоровья...

Точно так же, как включенность в уголовный закон объективного вменения, следует расценить и, например, признак беспомощного положения жертвы в насильственных половых преступлениях, а также положения закона о публичных призывах к экстремистской деятельности, о чем убедительно писали С. В. Полубинская и С. Н. Шишков⁸: «...если характер уголовно-правового запрета невозможно установить, не прибегая к помощи специальных знаний и проведения экспертизы, *то признание виновным в нарушении указанного запрета человека, не обладающего такими знаниями, неизбежно нарушает принцип субъективного вменения (вины)* (курсив мой. — Н. Л.)»⁹.

То же самое — в отношении тех же половых преступлений, ненасильственных, с градацией возраста потерпевших (от 12 до 14 лет, от 14 до 16 лет), особенно после исключения законодателем термина «заведомо», а также преступлений с порнографическими материалами или предметами.

Объективное вменение заложено и в целый ряд составов экономических преступлений¹⁰, и в составы преступлений, предметом в которых

⁸ В отношении последнего они отмечали, в частности, следующее: «...состав преступления также предполагает два условия: наличие признаков экстремизма в действиях лица (объективно существующий факт) и понимание этим лицом, что оно публично призывает к экстремистской деятельности. *Если же признаки экстремизма выявляются только посредством специальных знаний, то лицо, ими не обладающее, лишено возможности осознать экстремистский характер своих действий, что указывает на отсутствие состава преступления, предусмотренного статьей 280 УК РФ* (курсив мой. — Н. Л.)» (Шишков С. Н., Полубинская С. В. Проблемы установления признаков состава преступления с использованием специальных знаний // Уголовное право. 2018. № 5. С. 114–123).

⁹ Шишков С. Н., Полубинская С. В. Указ. соч.

¹⁰ Так, очень верно пишут о составе ограничения конкуренции А. Е. Шаститко и К. В. Дозмаров: «...получая набор уже установленных до него антимонопольным органом и судом фактов, следователь идет по самому простому пути: он просто соглашается с уже сделанными до него выводами и переносит обвинение с юридического лица — компании на лицо физическое — конкретного сотрудника организации. <...> Такой механизм фактически указывает на то, как работает объективное вменение. <...> Объективное вменение в случае с картелями — это еще и экстраполяция поведения компаний на поведение их сотрудников, без оценки степени вины самих сотрудников, их осведомленности и осознанной вовлеченности в процесс картелизации. Шаблон обвинения в отношении юридического лица проецируется на физическое лицо. Нарушение принципа субъективного вменения проявляется следующим образом: человеческий

выступают особо охраняемые или культурные ценности¹¹.

Или разве не провоцируют объективное вменение составы с административной преюдицией? Вина здесь устанавливается из простой последовательности событий — повторяемости административных правонарушений, за совершение первого (первых) из которых лицо привлекалось к административной ответственности¹². Хотя в доктрине в основу такой ответственности стали класть отнюдь не принцип субъективного вменения, а особенности личности правонарушителя (преступника). «Не требуется наличие заранее возникшего умысла на совершение ряда тождественных административно наказуемых деяний для того, чтобы образовался субъект преступления с административной преюдицией. Общественная опасность такой личности не в том, что лицо заранее планирует совершить несколько противоправных деяний, а в том, что оно демонстрирует устойчивую антиобщественную ориентацию (административно-правовой превенции для его исправления оказалось недостаточно) и на момент совершения преступления является более общественно опасным по сравнению с

моментом совершения “предкриминальных” административных правонарушений»¹³. Другими словами, наказуемо опасное состояние личности. Хотела бы в этой связи напомнить, что мы подобное уже проходили в недавней истории — в период сталинских репрессий¹⁴.

4. Пренебрежение установлением вины и объективное вменение в правоприменении

Привлекательность объективного вменения для практиков объясняется целым рядом причин, в числе которых есть и политические, и организационные, и др. Хорошо об этом пишет В. И. Попов в отношении 1930-х гг., но эти положения актуальны и сегодня (хотя, может быть, в части науки ситуация чуть сдвинулась в позитивную сторону): «...абсурдность объективного вменения и диссонанс между степенью общественной опасности и наказанием, господствовавшие в советской юридической науке и практике 1930-х годов, оказались устойчивыми и живучими *благодаря формализованно-правовой простоте их применения на практике, а также устойчивому неприязненному отно-*

фактор не учитывается с той точки зрения, что состав преступления обладает обязательным признаком — виной. А виновным в российском уголовном праве может быть только физическое лицо, но никак не юридическое. И тут вопрос отношения предполагаемого преступника к заключенному соглашению как к ограничивающему конкуренцию имеет самостоятельное и важное значение в связи с необходимостью установления всех юридически значимых фактов и всех признаков состава преступления по ст. 178 УК РФ» (*Шаститко А. Е., Дозмаров К. В. Уголовное право в антитрасте — хорошее место для встречи права и экономики // Закон. 2020. № 9. С. 141–150*).

¹¹ См. об этом, например: *Клебанов Л. Соблюдение принципа вины при квалификации преступлений, посягающих на культурные ценности // Уголовное право. 2009. № 1. С. 23–29.*

¹² В доктрине есть и другое мнение. Административная преюдиция «исключит случаи объективного вменения, когда у виновного отсутствует предвидение указанных в законе последствий в виде причиненного имущественного ущерба гражданам или государству» (*Бавсун М. В., Бавсун И. Г., Тихон И. А. Административная преюдиция и перспективы ее применения на современном этапе // Административное право и процесс. 2008. № 6*). В отмеченной части — возможно, если отказаться от указанных последствий при формулировании составов. Однако как быть с объективным вменением в отношении уже совершенных административных правонарушений? Они часть состава таких преступлений.

¹³ *Харлова М. И. Особенности состава преступления с административной преюдицией // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 8. С. 136–143.*

¹⁴ См. об этом, например, в статье В. И. Попова, который отмечает, в частности, что «объективное вменение становилось на пьедестал всей системы доказательств» (*Попов В. И. Теоретико-прикладные аспекты категорий «здравый смысл» и «абсурд» в праве // Современное право. 2024. № 1. С. 28–40*).

шению практико-юридического сознания к правовой науке (курсив мой. — Н. Л.)»¹⁵.

Между тем, как справедливо отмечается в доктрине, «требование изначально считать обвиняемого невиновным — объективно выраженный законодательный императив. Эта презумпция может быть опровергнута только в результате доказывания (курсив мой. — Н. Л.)»¹⁶.

Как обстоит дело на практике с доказательствами вины, покажу подробно на примере одного приговора¹⁷, хорошо известного всей юридической общественности, — приговора в отношении профессора В. Г. С. Приговор этот довольно широко разошелся по различным социальным сетям, в том числе распространялся близкими профессора, пытавшимися его оспорить.

Не давая оценку всем обвинениям (а приговор в отношении В. Г. С. вынесен по ч. 1 ст. 210, ч. 2 ст. 327, п. «а», «б» ч. 3 ст. 161 УК РФ), хотела бы обратить внимание только на доказательства (точнее, на их полное отсутствие) субъективной стороны состава вмененного ему руководства входящим в преступное сообщество (преступную организацию) структурным подразделением (ч. 1 ст. 210 УК РФ). Согласно приговору, «преступное сообщество (преступная организация) отличалось высокой степенью организованности, сплоченностью, взаимозаменяемостью и взаимопомощью участников, согласованностью действий между руководителями преступного сообщества (преступной организации), руко-

водителями его структурных подразделений и участниками по достижению общей преступной цели». Проведя на основании приговора анализ установленных судом контактов В. Г. С. с другими лицами, которые, по мнению следствия и суда, входили в структурное подразделение и в преступную организацию в целом, можно сделать однозначный вывод о том, что подтверждены его контакты только с одним лицом из входивших (как утверждает в приговоре) в указанное структурное подразделение — с женщиной, с которой В. Г. С. находился в близких и дружественных отношениях (оба фигуранта это признавали). Нет ни единого факта, свидетельствующего о контактах В. Г. С. со всеми другими участниками преступного сообщества, в том числе с теми, которые, по фабуле обвинения, входили в структурно обособленную организованную группу.

Но, согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ, структурированная организованная группа предполагает «взаимодействие различных ее подразделений в целях реализации общих преступных намерений»¹⁸, а субъективная сторона деяний, предусмотренных статьей 210 УК РФ, включает для вменения в вину В. Г. С. преступления, предусмотренного статьей 210 УК РФ, обязательное установление осознания им факта существования преступного сообщества и контактов с руководителями последнего, осознания того, что сообщество состоит, по фабуле обвинения, из двух структурных подразделений, принятие того, что сам

¹⁵ Попов В. И. Указ. соч.

¹⁶ Малина М. А. Презумпция невиновности — одна из ключевых гарантий воплощения нравственных начал в российском уголовном процессе // Российский судья. 2024. № 4. С. 24–29.

¹⁷ Объемы статьи не позволяют мне привести другие примеры, но они отнюдь не единичны. Читаем, например, в кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ по делу Карчевского, Шевцова, Скупченко: «О совершении осужденным преступлений в рамках деятельности организованной группы свидетельствует сам по себе характер совершенных осужденным действий от момента получения информации о наркотическом средстве и его изъятия из определенного места до момента сообщения о его последующем размещении в закладке и получения вознаграждения» (кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19.07.2022 № 4-УД22-27-А1 // СПС «КонсультантПлюс»).

¹⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» // Российская газета. № 130. 17.06.2010.

В. Г. С. возглавляет одно из них и совершает конкретные действия, и желание совершения указанных действий¹⁹. В приговоре между тем нет никаких свидетельств об осознании В. Г. С. всех перечисленных обстоятельств. Более того, в отношении одного лица, которое, по мнению следствия, стояло во главе преступного сообщества, дело было выделено в отдельное производство, и его роль никакими фактами по приговору не подтверждена²⁰. А по остальным членам преступного сообщества приговор бесконечно повторяет следующее: «Неустановленные организаторы преступного сообщества (преступной организации) отвели себе руководящую преступную роль и возложили на себя... обязанности», перечисление которых следует на двух страницах приговора (напомню, организаторы — неустановленные). И далее: «В *точно не установленное* время... с целью увеличения численности участников преступного сообщества (преступной организации), а также для расширения масштаба осуществляемой противоправной деятельности посвятили в общий

преступный умысел и привлекли к участию в преступном сообществе (преступной организации) В. Г. С., который, *осознавая общие задачи функционирования преступного сообщества (преступной организации), имея цель преступного обогащения, из корыстных побуждений согласился на выполнение отведенной ему преступной роли руководителя первого внутреннего и функционально обособленного структурного подразделения преступного сообщества (преступной организации), тем самым вступил в преступное сообщество (преступную организацию)* (курсив мой. — Н. Л.)»²¹.

Таким образом, приговором не установлены ни лица, возглавлявшие преступную организацию, ни обстоятельства, позволяющие заключать о сговоре на преступление и о распределении ролей, ни время и место, когда в эти действия был вовлечен В. Г. С., ни его контакты с неустановленными руководителями и членами преступного сообщества²². А вот вывод, обозначенный выше курсивом, о корысти и элементах умысла в приговоре сделан. Между тем по

¹⁹ Примерно такой, очень широкий набор тех моментов, которые должны осознавать соучастники в преступлениях, особенно совершаемых в организованных группах и в преступном сообществе, формулируется и в доктрине. См., например: *Гарбатович Д. А.* Квалификация уголовно-правовых деяний по субъективной стороне. М.: Юрлитинформ, 2014. Гл. 1, § 4.

²⁰ Есть об этом словесные, ничем не подтвержденные свидетельства оперативных сотрудников. И это тот прием, который, к сожалению, часто используется судами для подтверждения виновности лица в совершении конкретных преступлений: существовала оперативная разработка кого-либо, доказательства виновности в ее результате, которые можно было бы предъявить следствию и суду, она не принесла, и тогда и следствие, и суд идут по простейшему пути: они допрашивают в качестве свидетеля обвинения оперативного сотрудника, который не смог представить доказательств виновности. И такой сотрудник являет миру свое мнение, не основанное ни на каких документальных и иных свидетельствах. См., например: определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 13.06.2024 № 46-УД24-9-А4 по делу Давыдова Д. Ш., Майоршина О. Ю. и Шевченко А. В. и др., осужденных в том числе по ст. 210 УК РФ // СПС «КонсультантПлюс».

²¹ Справедливости ради отмечу, что есть и другая практика. См., например, кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 04.07.2024 № 83-УД24-1-К1 в отношении И. Ю. Кулешовой, осужденной по п. «а», «б» ч. 6 ст. 171.1, ч. 2 ст. 210 УК РФ: приговор осужденной отменен в части осуждения по ч. 2 ст. 210 УК РФ в связи с отсутствием в ее действиях состава преступления. Такое же решение — определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 25.05.2022 № 55-УД22-2-К8 по делу О. С. Гончаренко (СПС «КонсультантПлюс»).

²² Еще раз хотела бы отметить, что это не единичное дело. Вот точная цитата еще из одного приговора: «В июне 2017 года *неустановленное лицо (группа лиц), находясь на территории Российской Федерации (точные дата, время, место и иные обстоятельства в ходе предварительного следствия не установлены)*, создало организованную группу с целью извлечения финансовой и иной материальной

конкретному уголовному делу в приговоре по обвинению лица в совершении преступления, предусмотренного статьей 210 УК РФ, Верховный Суд РФ отмечал: показания фигурантов «не содержат существенных противоречий, достаточно подробны, с изложением таких деталей, которые могут быть известны только лицам, принимавшим непосредственное участие в совершении преступлений, при этом по юридически значимым обстоятельствам они находятся в логической связи и согласуются не только между собой, но и с совокупностью иных исследованных доказательств, которые взаимо-

дополняют друг друга, складывая истинную картину произошедшего»²³.

Напомню, что В. Г. С. приговорен Симоновским районным судом г. Москвы в июле 2023 г. к 15 годам лишения свободы.

Заключая, хотела бы вновь процитировать постулат из доктрины уголовно-процессуального права, о котором часто сегодня забывают, а именно вытекающее из презумпции невиновности положение: «недоказанная виновность обвиняемого приравнивается к его доказанной невиновности»²⁴. Иначе получается по Островскому: без вины виноватые...

выгоды в результате совершения тяжких и особо тяжких преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических средств на территории Российской Федерации, в том числе на территории адрес. При этом данное лицо (группа лиц) разработало общую схему преступной деятельности, основой которой являлся бесконтактный способ незаконного сбыта наркотических средств через тайники (закладки), а также активное использование сети Интернет и электронных платежных систем. <...> Созданная структура организованной группы характеризуется участием следующих взаимосвязанных между собой звеньев, обладающих устойчивыми связями и сплоченностью, а также длительным периодом осуществления преступной деятельности, четким распределением ролей и строгой иерархической структурой:

“Организатор” — не установленное в ходе предварительного следствия лицо (либо группа лиц, объединившихся для совместного руководства), которое осуществляет общее руководство, а именно...

“Вербовщики” — не установленное в ходе предварительного следствия лиц[о]...

“Бухгалтер” — не установленное в ходе предварительного следствия лиц[о]...

“Куратор” — не установленные в ходе предварительного следствия лица...

“Оператор” — не установленные в ходе предварительного следствия лица...

“Техподдержка” — не установленные в ходе предварительного следствия лица...

“Курьер” — не установленные в ходе предварительного следствия лица...

“Крупнооптовый закладчик (склад)” — не установленные в ходе предварительного следствия лица...

“Спортики” — не установленные в ходе предварительного следствия лица...

...

“Мукомол” — не установленные в ходе предварительного следствия лица...

“Графитчики” — не установленные в ходе предварительного следствия лица...» (приговор Северодвинского городского суда (Архангельская область) от 19.01.2024 № 1-103/2024 1-920/2023 по делу № 1-103/2024 в отношении Ф. И. О.2, осужденного по ч. 3 ст. 30, п. «а», «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/P6UdssUoN41u/>).

²³ См. определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19.12.2024 № 46-УД24-25-А4 — приговор в отношении Гореславца Р. Н. («осужден за участие в преступном сообществе (преступной организации)... и в созданной в рамках данного преступного сообщества (в качестве структурного подразделения) устойчивой вооруженной группе (банде)», а также за совершение других преступлений) // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴ См.: Малина М. А. Указ. соч.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Арямов А. А., Кулаков В. В. Кодекс Амальфи (Tabula Amalfitana): публично-правовые положения частноправового происхождения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2023. — № 1. — С. 6–23.
2. Бавсун М. В., Бавсун И. Г., Тихон И. А. Административная преюдиция и перспективы ее применения на современном этапе // Административное право и процесс. — 2008. — № 6.
3. Гарбатович Д. А. Квалификация уголовно-правовых деяний по субъективной стороне. — М.: Юрлитинформ, 2014.
4. Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен. — М.: Проспект, 2008.
5. Клебанов Л. Соблюдение принципа вины при квалификации преступлений, посягающих на культурные ценности // Уголовное право. — 2009. — № 1. — С. 23–29.
6. Куликов А. В. Небрежность в Уголовном кодексе РФ: отсутствие вменяемости или разновидность непреодолимой силы? // Российский юридический журнал. — 2020. — № 5. — С. 163–172.
7. Малина М. А. Презумпция невиновности — одна из ключевых гарантий воплощения нравственных начал в российском уголовном процессе // Российский судья. — 2024. — № 4. — С. 24–29.
8. Наумов А. В. Вина как признак преступления и принцип Уголовного кодекса РФ // Российский следователь. — 2022. — № 5. — С. 39–42.
9. Полянский Е. Ю. Теория состава преступления в уголовном праве США: ключевые позиции и основные недостатки // Lex russica. — 2013. — № 11. — С. 1191–1204.
10. Попов В. И. Теоретико-прикладные аспекты категорий «здравый смысл» и «абсурд» в праве // Современное право. — 2024. — № 1. — С. 28–40.
11. Проблемы квалификации преступлений / под ред. К. В. Ображиева и Н. И. Пикурова. — М.: Проспект, 2019.
12. Харлова М. И. Особенности состава преступления с административной преюдицией // Актуальные проблемы российского права. — 2016. — № 8. — С. 136–143.
13. Шаститко А. Е., Дозмаров К. В. Уголовное право в антитрасте — хорошее место для встречи права и экономики // Закон. — 2020. — № 9. — С. 141–150.
14. Шишков С. Н., Полубинская С. В. Проблемы установления признаков состава преступления с использованием специальных знаний // Уголовное право. — 2018. — № 5. — С. 114–123.

Материал поступил в редакцию 9 апреля 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Aryamov A. A., Kulakov V. V. Kodeks Amalfi (Tabula Amalfitana): publichno-pravovye polozheniya chastnopravovogo proiskhozhdeniya // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. — 2023. — № 1. — S. 6–23.
2. Bavsun M. V., Bavsun I. G., Tikhon I. A. Administrativnaya preyuditsiya i perspektivy ee primeneniya na sovremennom etape // Administrativnoe pravo i protsess. — 2008. — № 6.
3. Garbatovich D. A. Kvalifikatsiya ugovovno-pravovykh deyanij po subektivnoy storone. — M.: Yurilitinform, 2014.
4. Zhalinskiy A. E. Ugolovnoe pravo v ozhidanii peremen. — M.: Prospekt, 2008.
5. Klebanov L. Soblyudenie printsipa viny pri kvalifikatsii prestupleniy, posyagayushchikh na kulturnye tsennosti // Ugolovnoe pravo. — 2009. — № 1. — S. 23–29.
6. Kulikov A. V. Nebrezhnost v Ugolovnom kodekse RF: otsutstvie vmenyaemosti ili raznovidnost nepreodolimoy sily? // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2020. — № 5. — S. 163–172.

7. Malina M. A. Prezumpitsiya nevinovnosti — odna iz klyuchevykh garantiy voploshcheniya нравstvennykh nachal v rossiyskom ugolovnom protsesse // Rossiyskiy sudya. — 2024. — № 4. — S. 24–29.
8. Naumov A. V. Vina kak priznak prestupleniya i printsip Ugolvnogo kodeksa RF // Rossiyskiy sledovatel. — 2022. — № 5. — S. 39–42.
9. Polyanskiy E. Yu. Teoriya sostava prestupleniya v ugolovnom prave SShA: klyuchevye pozitsii i osnovnye nedostatki // Lex russica. — 2013. — № 11. — S. 1191–1204.
10. Popov V. I. Teoretiko-prikladnye aspekty kategoriy «zdravyy smysl» i «absurd» v prave // Sovremennoe pravo. — 2024. — № 1. — S. 28–40.
11. Problemy kvalifikatsii prestupleniy / pod red. K. V. Obrazhieva i N. I. Pikurova. — M.: Prospekt, 2019.
12. Kharlova M. I. Osobennosti sostava prestupleniya s administrativnoy preuditsiey // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2016. — № 8. — S. 136–143.
13. Shastitko A. E., Dozmarov K. V. Ugolovnoe pravo v antitraste — khoroshee mesto dlya vstrechi prava i ekonomiki // Zakon. — 2020. — № 9. — S. 141–150.
14. Shishkov S. N., Polubinskaya S. V. Problemy ustanovleniya priznakov sostava prestupleniya s ispolzovaniem spetsialnykh znaniy // Ugolovnoe pravo. — 2018. — № 5. — S. 114–123.